

СТРАТЕГИЯ РЕФЛЕКСИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ (ИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОПЫТА В.Н. БОРИСОВА И В.П. ФОФАНОВА)

© *Е.А. Тюгашев*

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия

Поступила в редакцию 14.09.2021

В окончательном варианте 28.03.2022

■ Для цитирования: Тюгашев Е.А. Стратегия рефлексивной коммуникации в постнеклассической науке (из методологического опыта В.Н. Борисова и В.П. Фофанова) // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т.4. №1. С.29–36. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.4>

Аннотация. Парадигмальность науки снимается рефлексивной коммуникацией. Вертикальная рефлексивная коммуникация актуализирует и пересматривает классическое наследие. Горизонтальная рефлексивная коммуникация учитывает духовный опыт других направлений, дисциплин и мировоззрений.

Ключевые слова: рефлексия; коммуникация; рефлексивная коммуникация; постнеклассическая наука; мировоззрение; научная коммуникация; философская коммуникация.

REFLEXIVE COMMUNICATION STRATEGY IN POSTNONCLASSICAL SCIENCE (FROM THE METHODOLOGICAL EXPERIENCE OF V.N. BORISOV AND V.P. FOFANOV)

© *E.A. Tyugashev*

Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

Original article submitted 14.09.2021

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Tyugashev E.A. Reflexive communication strategy in postnonclassical science (from the methodological experience of V.N. Borisov and V.P. Fofanov). *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(1):29–36. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.4>

Abstract. The paradigmality of science is removed by reflexive communication. Vertical reflexive communication actualizes and revises the classical heritage. Horizontal reflexive communication takes into account the spiritual experience of other areas, disciplines and worldviews.

Keywords: reflection; communication; reflexive communication; postnonclassical science; worldview; scientific communication; philosophical communication.

Постнеклассическая наука столкнулась с «пределами роста», выражающимися в снижении природной эффективности дополнительных затрат на ее развитие (по S-образной кривой). Это стало очевидным для государства, общественности и частных инвесторов, что привело к сокращению финансирования ряда направлений. Наука утратила самооценку и далеко не все ее темы являются «горячими». Стали значимы нравственные ограничения, имеющие мировоззренческую природу. Поскольку научное сообщество глубоко профессионализировано, а исследования ведутся в рамках сложившихся дисциплинарных традиций и существует зависимость от предшествующего развития («path dependence»), то произвольное переключение на альтернативные направления (как это было в энциклопедической науке) маловероятно. Цель статьи состоит в характеристике рефлексивной коммуникации как стратегии снятия пределов научного роста. Данная стратегия анализируется на опыте преодоления застойных явлений в науке в рамках исследовательской программы по разработке рефлексивной социальной философии [1].

Под *рефлексивной коммуникацией* я предлагаю понимать такую организацию духовной деятельности, которая основывается на отказе от «демиургической позиции» [2, с. 1337], от избыточных амбиций и состоит в «умении слушать и понимать друг друга» [3, с. 71]. В *горизонтальной рефлексивной коммуникации* субъекты диалога фиксируют предпосылки и ограничения собственных позиций, взаимопроникают, поляризуются и трансформируют друг друга. *Вертикальная рефлексивная коммуникация* включает: 1) деконструкцию и доработку уже существующих идей (сегодня это актуально в отношении идеи коммунизма); 2) прочтение заново классики и ее переосмысление (например, «Государства» Платона с точки зрения психоанализа); 3) выявление неосознанных (или замаскированных) предпосылок различных концепций с целью коррекции, трансформации и творческого развития (неопозитивизм, постпозитивизм). Продемонстрируем использование рефлексивной коммуникации на ряде примеров из работ В.Н. Борисова и В.П. Фофанова.

Одна из статей В.Н. Борисова новосибирского периода его деятельности начинается следующим наблюдением: «Прогресс научного познания находит свое философское выражение не только в формировании новых понятий и положений, но заставляет возвращаться к рассмотрению коренных, исходных принципов материалистического мировоззрения, давать им более глубокое и всестороннее обоснование, конкретизировать и развивать на базе нового фактического материала» [4, с. 32]. Обратим внимание на два зафиксированных процесса: 1) учет актуальных данных науки при развитии базовых положений философии — один из аспектов ситуации горизонтальной рефлексивной коммуникации между философией и наукой; 2) вертикальная рефлексия в рамках материализма в форме дополнительной проработки его первоначальных принципов.

В части обсуждения проблемы взаимосвязи отражения и деятельности в процессе познания В.Н. Борисова заинтересовала разработанная психологом А.Н. Леонтьевым концепция познания как интериоризации внешней предметной деятельности, а также разделы математики, оперирующие понятием отражения. Исходя из этого, он возражал А. Шаффу, полагавшему, что «отражение» — всего лишь метафора.

Из истории материализма внимание В.Н. Борисова привлекли высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, И. Дицгена, А.И. Герцена, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, описывающие феномен интериоризации. Так в рамках недавней материалистической традиции была выявлена точка поддержки современной психологической концепции.

С позиции марксистско-ленинской гносеологии В.Н. Борисов вступает в горизонтальную рефлексивную коммуникацию с неопозитивизмом, предложившим дифференцировать объекты и псевдообъекты для различения понятий истинных — имеющих референт (материальная точка, идеальный газ) — и понятий ложных, не имеющих референта (мировой эфир, теплород) [4, с. 37]. Признавая ценность данного различения, В.Н. Борисов указывает на сложившуюся традицию выделения абстрактных предметов, идеальных объектов, а также моделей.

Любопытен пример с ложными мифологическими понятиями «русалка» и «кентавр» [4, с. 37–38]. В.Н. Борисов напоминает, что в XIX веке физическое понятие мирового эфира считалось истинным. Различение истинных и ложных научных понятий наводит на мысль об относительной ложности или истинности мифологем. Так, космология и синергетика реабилитировали концепты космоса и хаоса. Рефлексивная коммуникация науки и мифологии оказалась продуктивной.

Еще один уровень горизонтальной рефлексивной коммуникации является внутринаучным и междисциплинарным: «Результаты, получаемые в одной науке и представляющие в ней содержательное знание соответствующей области действительности, могут использоваться в других науках, а также и в ней самой при решении других проблем, в качестве познавательных средств (так, математические методы применяются почти во всех остальных науках, физические методы в химии, биологии и т. д.)» [5, с. 3]. Такая коммуникация может быть взаимной. Например, в результате взаимопроникновения физики и химии возникли химическая физика и физическая химия, химии и биологии — химическая биология и биологическая химия.

В другой публикации В.Н. Борисов описание познания как движения от явления к сущности и обратно предлагает дополнить категорией видимости. Для этого он предлагает учесть рациональное содержание «Логики» Гегеля в материалистической интерпретации [6, с. 44]. Так намечается горизонтальная рефлексивная коммуникация между материализмом и идеализмом.

Итак, в работах В.Н. Борисова мы находим манифестацию установок на рефлексивную коммуникацию с альтернативными мировоззренческими позициями и опыт ее реализации. Подчеркивается важность горизонтальной рефлексивной коммуникации между наукой и философией, отдельными научными дисциплинами, разными философскими направлениями и течениями. Вертикальная рефлексивная коммуникация ориентирована на дополнительное обоснование, уточнение и развитие исходных принципов разделяемого философского направления, а также на актуализацию не в полной мере освоенного наследия классиков материализма. Указанные векторы коммуникации рассматриваются как совершенно необходимые при полном и систематическом рассмотрении любого вопроса. Установка на рефлексивную коммуникацию выражается в заинтересованном и бережном отношении к партнерам по

коммуникации как внешнему основанию собственного развития. Это внимательное отношение мотивируется усиливающейся коллективизацией научного труда.

В.П. Фофанов всегда подчеркивал важность коллективной работы исследователей-марксистов, ученых, ученых и практиков. При анализе проблемы экономического сознания он писал о необходимости взаимодействия различных наук, участвующих в синтезе и конфигурации дисциплинарных результатов для создания практически значимой комплексной картины объекта [7, с. 16]. Очевидно, что такая увязка научных знаний требует междисциплинарной коммуникации. Для исследования феномена экономического сознания в предмете исторического материализма как марксистско-ленинской теоретической социологии наиболее значимыми В.П. Фофанов считал экономические работы К.Маркса и советских ученых-экономистов.

Вертикальная рефлексивная коммуникация реализовывалась путем обращения к наследию классиков марксизма-ленинизма. «Вряд ли вызовет возражение мысль о том, что марксистская теория экономического сознания должна формироваться как непосредственное продолжение и развитие соответствующих идей классиков марксизма-ленинизма, — писал В.П. Фофанов. — А для этого, прежде всего, требуется выявить наследие классиков по данному вопросу, проанализировать и оценить его значение ... Необходимо отметить двоякую взаимосвязь этих исследований с дальнейшей разработкой теории экономической формы общественного сознания. С одной стороны, анализ наследия классиков в данной области является одним из средств построения теории экономической формы общественного сознания. С другой — разработка теории экономического сознания дает возможность более глубоко понять содержание и значение высказываний классиков, посвященных этой проблеме» [7, с. 24–25].

Напомню, что факт экономического сознания был парадигмальной аномалией для исторического материализма, утверждавшего материальность экономических отношений. Недостаточная эксплицированность позиции классиков марксизма-ленинизма по вопросу о соотношении общественного сознания и материально-производственных отношений обуславливала возможность модификации «защитного пояса» исторического материализма при сохранении его «жесткого ядра». Поэтому разработка теории экономического сознания и анализ наследия классиков рассматривались В.П. Фофановым как взаимодополняющие стороны исследовательского процесса.

Кроме того, для характеристики экономического сознания существенными признавались взгляды деятелей коммунистического движения (А. Грамши, П. Тольятти, М. Торез) и работы ряда практиков — Ф.Э. Дзержинского, С.М. Кирова, Г.К. Орджоникидзе [7, с. 21].

В монографии «Социальная деятельность как система» (1981) В.П. Фофанов зафиксировал еще ряд направлений рефлексивной коммуникации, характерных для стадии неклассической науки.

К вертикальной рефлексивной коммуникации относится актуализация категорий, «степень разработки которых на предшествующих этапах развития советской философии явно не соответствовала их месту в составе науки, их эвристическому потенциалу» [8, с. 4]. В.П. Фофанов отмечает, что категория «социальная деятельность» не является новой для обществознания.

В действительности не нова только категория деятельности. Термин «социальная деятельность» использовали, например, С.Н. Булгаков и Г.П. Щедровицкий, но категориального статуса он не имел.

Как и В.Н. Борисов, В.П. Фофанов фиксирует ситуацию горизонтальной коммуникации между философией и наукой в лице психологии: «Наиболее широко, пожалуй, были распространены попытки выработать общую концепцию деятельности, осознанно или неосознанно опирающиеся на психологию. Это вполне понятно исторически, так как советская психология сегодня располагает едва ли не наиболее развитой в себе концепцией деятельности по сравнению с другими общественными дисциплинами, хотя и здесь, безусловно, имеются свои разногласия, нерешенные проблемы. Однако это именно психологическая концепция деятельности, и ее нельзя непосредственно перенести на философский уровень. Для соотнесения философской и психологической концепций деятельности нужны дополнительные методологические процедуры — как в случае движения от философии к психологии, так и в случае движения от психологии к философии» [8, с. 6–7].

По оценке В.П. Фофанова, коммуникация между философией (точнее, историческим материализмом) и психологией (точнее, культурно-исторической школой в психологии) существует, но она не является рефлексивной коммуникацией. На мой взгляд, необходимость рефлексии данной коммуникации обусловлена и тем, что культурно-историческая школа первоначально основывалась на неокантианской концепции деятельности. Таким образом, возник опосредованный психологической наукой контур коммуникации между марксизмом и неокантианством.

В перспективе концептуализации социальной деятельности как системы В.П. Фофанов описывал механизмы внутринаучной коммуникации на примере системного движения. Разнообразие течений в этом движении он объясняет их дисциплинарным происхождением, объективным многообразием классов систем, различными способами концептуализации. На его взгляд, понятие системы должно иметь точную и единственную трактовку только в рамках определенного подхода при ясном осознании пределов его применимости и эвристического потенциала [8, с. 25]. Это ситуация многосторонней рефлексивной коммуникации, возникающей вокруг обсуждения одного понятия. Желание сформулировать единственное определение понятия системы объяснимо единством системного движения. Но реальность такова, что в зависимости от используемых средств возникает спектр различных представлений системы.

Описываемая В.П. Фофановым ситуация распространена. Сетуют на сотни определений культуры, терроризма и других явлений. Но определений может быть бесконечно много в зависимости от используемых видов определений, ступени познания, избранной категориальной системы. Для профессионального исследователя важен именно этот контекст, а не собственно само определение. Неспециалист не собирается рефлексировать над основаниями введения понятия и его эпистемологическим статусом. Ему, наоборот, подходит любое определение, достаточно общепонятное и пригодное для конкретной познавательной ситуации. Поэтому некоторое общее понимание эксплицировать необходимо. Но оно не должно, по меньшей мере, противоречить интуитивным представлениям, сложившимся в горизонте естественного языка.

Следовательно, нужна рефлексивная коммуникация с обыденно-практическим сознанием (с учетом его социокультурной специфики). В этом случае можно говорить об экспликации социокультурного — в смысле социокультурного приемлемого — понятия (концепта) какого-либо феномена [9].

В данной монографии В.П. Фофанов также расширил границы рефлексивной коммуникации на уровне мировоззрений. «Каждая онтология — например, мифологическая, религиозная, научная и т. д., — писал он, — исторически закономерна и в этом смысле адекватна своему миру» [8, с. 252]. Здесь фактически утверждается относительная истинность всех мировоззрений (релевантных разным мирам), а следовательно — необходимость включения их в горизонтальную рефлексивную коммуникацию.

В монографии «Социальная деятельность и теоретическое отражение» (1986) В.П. Фофанов иначе изложил свою позицию в отношении рефлексивной коммуникации мировоззрений. Иллюзорным мировоззрениям противопоставлены наука и искусство, реализующие сущностное (истинностное отражение) [10, с. 68]. В политической практике, например, «нужна не только наука, но и искусство, если понимать под этим ту высшую ступень мастерства, когда решения принимаются с учетом мельчайших, подчас интуитивно улавливаемых факторов» [10, с. 164]. Необходимость искусства в политике В.П. Фофанов также аргументировал необходимостью учета логики обыденного и массового сознания, а также действия социально-психологических механизмов [10, с. 163]. В связи с этим неясно, почему можно абстрагироваться от других типов мировоззрений, которые присутствуют в массовом сознании?

В постсоветский период В.П. Фофанов стал подчеркивать значимость религии для современной науки и массового сознания. В послесловии к переизданию книги А. Безант «Древняя мудрость» (1994) выдвинутую теософами идею синтеза науки, религии и философии он расширяет до идеи мировоззренческого синтеза, охватывающего все важнейшее в разнообразных духовных традициях [11]. По его мнению, для науки это важно потому, что: 1) позволит увидеть ее мировоззренческие истоки (например, химия выросла из алхимии); 2) поможет преодолеть наукоцентризм и определить границы применимости науки; 3) расширит эмпирическую базу. Вступив в рефлексивную коммуникацию с другими типами мировоззрений, наука лучше осознает собственную специфику, приобретет большую самодостаточность и зрелость.

Решительный интерес к эзотерике есть реализация установки на рефлексивную коммуникацию, которая учитывает относительную истинность позиции другого и ее ценность для расширения основания и развития собственной позиции. Не случайно В.В. Целищев, логик, аналитический философ и безусловный сциентист, считал, что подготовленный читатель, должен быть знаком с мифологией, историей, философией, религией и другими областями человеческой культуры [12, с. 8].

Мне кажется, что благодаря именно Борису Вадиму Николаевичу на кафедре философии НГУ сформировалась тогда методологическая установка на поиск точек поддержки в различных интеллектуальных традициях. Так, при характеристике феномена подражания М.А. Розов опирался первоначально на исследования приматов, с 1980-х годов — под влиянием обсуждений на кафедре философии НГУ — своим непосредственным предшественником он

стал считать французского социолога Габриэля Тарда. «Исследователь часто не осознает, что его тематика разрабатывалась в других интеллектуальных традициях», — говорил мне В.П. Фофанов, когда мы обсуждали с ним превращение теории нормативных систем в теорию социальных эстафет.

В заключение сформулируем следующие выводы:

1. Рефлексивная коммуникация — это опыт расширения, углубления и возвышения сознания. Оно становится объемным.

2. Горизонтальная рефлексивная коммуникация учитывает духовный опыт других направлений, дисциплин и мировоззрений. Постнеклассическая наука допускает рефлексивную коммуникацию с другими мировоззрениями — искусством и утопией, мифологией, религией и эзотерикой.

3. Вертикальная рефлексивная коммуникация актуализирует и пересматривает классическое наследие. Поэтому исследование должно быть сознательным продолжением конкретной интеллектуальной традиции. Любую инновацию нужно обосновывать актуализацией древней традиции. Следует сохранять и культивировать различные духовные традиции. Через несколько столетий периферийные традиции могут стать центральными.

Поэтому поддержание и культивирование философской традиции, у истоков которой стоит А.В. Савинов, а продолжил В.Н. Борисов, является актуальным. Эта традиция периферийна и пока малозаметна в отечественной философии, но тем не менее достаточно влиятельна.

Список литературы

1. Тюгашев Е.А. В.Н. Борисов – В.П. Фофанов: парадигмальное ядро исследовательской программы // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2019. – № 2 (2). – С. 84–90.
2. Марача, В.Г. Рефлексивная коммуникация стратегических субъектов как условие успешной разработки и реализации стратегии развития территории // Четвертая международная конференция по проблемам управления (26–30 января 2009 года): Сборник трудов. – Москва: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2009. – С. 1334–1342.
3. Момджян К.Х. Кризис фрагментации в современной социальной философии // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2012. – № 1. – С. 61–71.
4. Борисов В.Н. Взаимосвязь отражения и деятельности в процессе познания // Природа сознания и закономерности его развития. – Новосибирск: НГУ, 1966. – С. 33–41.
5. Борисов В.Н. К определению метода познавательной деятельности // Проблемы методологии научного познания. – Новосибирск: НГУ, 1968. – С. 3–9.
6. Борисов В.Н. О соотношении категорий «сущность», «явление» и «действительность» // Проблемы методологии научного познания. – Новосибирск: НГУ, 1968. – С. 44–50.
7. Фофанов В.П. Экономические отношения и экономическое сознание. – Новосибирск: Наука, 1979. 270 с.
8. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. – Новосибирск: Наука, 1981. – 304 с.
9. Тюгашев Е.А. Социокультурное понятие деятельности // Философская мысль. – 2015 – № 6. – С. 1–25.
10. Фофанов В.П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. – Новосибирск: Наука, 1986. – 189 с.
11. Фофанов, В.П. Мировоззренческий синтез на грани тысячелетий: роль теософии // Безант А. Древняя мудрость. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. URL: <https://web.archive.org/web/20050213161452/http://filosof10.narod.ru/lib/Filosofia/Bezant.doc> (дата обращения: 12.05.2021).

12. Целищев В.В. Предисловие переводчика // Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. – М.: Эксмо, Мидгард, 2007. – С. 6–8.

References

1. Tyugashev E.A. V.N. Borisov – V.P. Fofanov: the paradigmatic core of the research program. *Bulletin of the Samara State Technical University. Series: Philosophy*. 2019. No. 2 (2). P. 84–90.
2. Maracha V.G. Reflexive communication of strategic subjects as a condition for successful development and implementation of a territory development strategy. Fourth International Conference on Management Problems (January 26–30, 2009): Proceedings. Moscow: Institute of Control Problems named after. V.A. Trapeznikova RAN, 2009. P. 1334–1342.
3. Momjyan K.Kh. Crisis of fragmentation in modern social philosophy. *Bulletin of Moscow University. Ser. 7. Philosophy*. 2012. No. 1. P. 61–71.
4. Borisov V.N. The relationship between reflection and activity in the process of cognition. The nature of consciousness and the laws of its development. Novosibirsk: NSU, 1966. P. 33–41.
5. Borisov V.N. To the definition of the method of cognitive activity. *Problems of methodology of scientific knowledge*. Novosibirsk: NSU, 1968. S. 3–9.
6. Borisov V.N. On the relationship between the categories «essence», «phenomenon» and «reality». *Problems of methodology of scientific knowledge*. Novosibirsk: NSU, 1968. P. 44–50.
7. Fofanov V.P. Economic relations and economic consciousness. Novosibirsk: Nauka, 1979. 270 p.
8. Fofanov V.P. Social activity as a system. Novosibirsk: Nauka, 1981. 304 p.
9. Tyugashev E.A. Sociocultural concept of activity. *Philosophical Thought*. 2015. No. 6. P. 1–25.
10. Fofanov V.P. Social activity and theoretical reflection. Novosibirsk: Nauka, 1986. 189 p.
11. Fofanov V.P. Worldview synthesis on the verge of millennia: the role of theosophy. Besant A. Ancient wisdom. Novosibirsk: VO «Nauka». Siberian Publishing Company, 1994. URL: <https://web.archive.org/web/20050213161452/http://filosof10.narod.ru/lib/Filosofia/Bezant.doc> (Accessed: 05/12/2021).
12. Tselishchev V.V. Translator's Preface. Encyclopedic exposition of Masonic, Hermetic, Kabbalistic and Rosicrucian symbolic philosophy. Moscow: Eksmo, Midgard, 2007. P. 6–8.

Информация об авторе

Евгений Александрович Тюгашев, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Новосибирск, Россия. **E-mail:** filosof10@yandex.ru

Information about the author

Evgeny A. Tyugashev, Doctor of philosophy, Associate Professor of the Novosibirsk State University, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation. **E-mail:** filosof10@yandex.ru